

ЛОРИС ЭДМОНД

1997 N23

ИЗ КНИГИ "СОЛЬ С СЕВЕРА"

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

В восточной части города среди наполовину заброшенных домов, стоянок поломанных машин, запущенных тротуаров стоит он, массивный и надменный, стены выкрашены кремовым, как любая приходская церковь, но сверху, горя на солнце безумным блеском, - огромный серебряный купол, а над ним - крест. Ощущая неуместность, я ищу камень с посвящением, и нахожу все еще четкую надпись: среди чужих писем я прочитала имя, которое, как метафора безумия, напоминает сумасшедшие оргии среди Фиванских гор, фанатиков быкорогого бога, блуждающих среди скал и елей, плющом увитых, наполненных ароматом сирийской мирры, кричащих свои неистовые славословия ему, богу смеха, богу свободы, всеильному вседозволителю. Богу дикости.

Бесшумен воздух в этот антиподный летний полдень; сухая трава трещит. Одиноким жрец подходит, одетый в черное, как вдова. Это святое место благословил в 67-м Его Светлость архиепископ Дионисий.

ПИСЬМО

Читая четвертый том стихов твоего мужа, я думаю о тебе, которая когда-то создала нечто, где каждое творение эмоционально, совершенно и горько на вкус, как желудь.

Теперь молодые женщины приходят специально, чтобы спросить тебя о сыновьях, представляя, как они переполняют твою душу жаждой создания новых личностей, самых желанных твоих произведений.

Прости нас за вторжения; но мы не можем удержаться, чтобы не прислушаться к шуму дерева, еще заключенного в семени. Женщина-творец, мы видели твою лиственную крону, и пришли.

ПИСЬМО ИЗ ОКЛЕНДА

Цветет миндаль, каждый цветок - звезда, распространяющая тусклое и призрачное сияние. На холме больница, полная людей, цепко держащихся за жизнь, но некоторые из них должны выпить черные соки смерти. Меня бьет дрожь от этого, так дрожат лепестки миндаля под ветром и голубым дождем. Когда ты прочтешь мое письмо, некоторые упадут в темную почву земли, но ты узнаешь об этом будучи в другом городе.

ГРЕЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ: ВТОРОЙ ЭТАЖ

Маленькие статуэтки животных, молодые олени по-прежнему в застывшем беге, с по-прежнему блестящими и испуганными глазами, мои пальцы касаются крошечных отверстий, которые обозначают пятнышки на ваших глиняных шубках, а они оказываются шершавыми и твердыми. Сможет ли хоть одна мечта моя пронестись так же, вечно живая, сквозь двадцать столетий?

ГОРОДСКОЙ ПРИЗРАК

После дождя пришел городской призрак глаза словно уличные фонари желто-зеленые

кулаки - тяжелые булыжники черное пальто на ветру прошел мимо причалов по Кейбл-Стрит расталкивая привидения складских грузчиков цветочников корчась от боли когда подошла я плюнул на асфальт - Эй, леди, только не мешайте.

УЛИЧНАЯ СЦЕНА

Каждый шаг непонятен - не просто труден, но что-то вроде открытия, как будто он выходит удивленный из прояснившегося тумана. "Цивильный" желтый пиджак, но он забыл об остальном и остался в домашних туфлях, в них он входит в каждое отдельное, минутное событие. Неужели он так стар, что всякое обычное действие, словно у сильно пьяного, - триумф, достигнутый с трудом?

ГРАНИЦА

От станции Гараван, где маленькая платформа зажата между скалами Лигурийских Альп, вы можете прогуляться до Ривьеры, проходя мимо туристов, изможденных от безделья и созерцания этого безжалостно картинного моря, через десять минут вы окажетесь в Италии.

Холодным солнечным утром я купила на пограничной станции карту Европы; каждое название говорило на своем языке - Munchen, чешская Praha, Roma, Firenze, Geneve; самое чужое было для меня самым верным, самым глубоким, самым истинным. В сверкающем средиземноморском свете я взбиралась по ухабистой дороге в горы; католические деревни напрочь оторваны от всех языков, такие правозверные, такие невежественные.

ИНЦИДЕНТ

Твои черные глаза блестели, как арбузные зерна; был день твоего рождения. Как всегда, твой отец, чем-то занятый, бесился, если его перебивали; слезы на твоём маленьком разгоряченном лице, ты стоял рядом со мной, когда он открыл рукопись и громко прочитал стихотворение друга: новая вьетнамская война, резня в деревне, смерть детей... солнечным субботним утром в комнате было тихо, ты вцепился в мою юбку; женщина и ребенок, мы оба смотрели на него в глубоком молчании.

И я вспомнила пьяное откровение Брендана Бихэна, отъявленного негодя из Дублина: "Мы жагеем, - говорил он, - всегда только самих себя". Почему, спрашиваю я вас, поэты, отцы, так часто еще мы встречаем жестокость? Почему не любовь?

Веллингтон, Новая Зеландия

Переводы с английского
Александра Макарова-Кроткова